

Секция «Новая история стран Азии и Африки»
**Русские дипломатические учреждения в Сирии в конце XIX века: к
характеристике целей политики России на Ближнем Востоке.**

Копоть Евгений Михайлович

Аспирант

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: jeniuss1@yandex.ru

Факторы важного стратегического положения и наличия значительного христианско-православного населения сделали Сирию объектом пристального внимания российской дипломатии в контексте решения Восточного вопроса в конце XIX века. Привлечение документов Архива внешней политики Российской империи и Российского Государственного военно-исторического архива позволяет существенно расширить представления об истории возникновения русских дипломатических учреждений в Сирии в 80-90-е гг. XIX в.

Проигрывая в торгово-промышленной конкуренции Франции, русская дипломатия делала акцент на религиозную политику в регионе. По замечанию русского генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича «главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными, и не имеем под собою надежной материальной почвы» [1].

По иным - военно-стратегического характера - соображениям военное ведомство находилось в тесном взаимодействии с министерством иностранных дел. Военная разведка в Сирии действовала под прикрытием дипломатических агенств и вице-консульств. С этой целью в октябре 1882 года было учреждено вице-консульство в Хаме, в которое был назначен полковник Генерального штаба Я.Ф. Люндеквист, переведенный в соответствующий гражданский чин надворного советника. Центральное положение Хамы позволяло вице-консулу совершать необходимые разъезды по Сирии и следить за состоянием войск V Армейского корпуса Османской армии. Для полковника Я.Ф. Люндеквиста с 1879 года прикрытием специальной работы в Сирии была должность секретаря в русском консульстве в Алеппо, однако, подчиненное положение секретаря вызывало трения с консулом в Алеппо и подозрения османских властей, так как деятельность полковника и его независимое положение мало согласовалась с обычной работой секретаря консульства [3].

В августе 1884 года в Хаму из Вана для аналогичной вице-консульской службы был переведен К.П. Камсаракан.

В мае 1889 г. в связи с реформой Бейрутского вилаята был поднят вопрос о перемещении военного агента в Дамаск, в котором находился Штаб V армейского корпуса. Особенного внимания заслуживает записка посла в Константинополе А.И. Нелидова. «Так как по новому разграничению Турецких вилаетов Хама подведомственна не Бейрутскому Генерал-Губернатору, а Дамасскому, - пребывание числящегося там Вице-Консула - в Бейруте совершенно неосновательно, не представляя никаких удобств для исполнения лежащих на нем Консульских обязанностей.

Между тем многочисленные интересы наши в Дамаске делают весьма желательным присутствие там Русского агента, а в военном отношении Дамаск имеет несравненно большее значение чем Бейрут, ибо там имеет свое пребывание Начальник V Армейского корпуса. А потому казалось бы во всех отношениях полезным перевести в Дамаск нештатного Вице-Консула, содержимого Военным Министерством в Хаме и пребывающего ныне в Бейруте. Затем, со временем, если к тому представится удобный случай, желательно было бы заменить нынешнего Вице-Консула Камсаракана (Армянина, Грегорианского исповедания) Православным агентом, в виду церковных вопросов, могущих возникать в Дамаске,

где имеет свое местопребывание Антиохийский Православный Патриарх» [2].

Иными словами, к 1889 г. в должностные обязанности военного разведчика Кавказского военного округа стали входить и «церковные вопросы», что было одним из условий согласия МИД на перевод вице-консульства из Хамы в Дамаск.

Распоряжение МИДа от 8 июня 1893 г. об учреждении нового консульства в Дамаске и назначении туда православного коллежского асессора А.П. Беляева (одновременно с удалением оттуда К.П. Камсаракана), вызванное обострением патриаршего вопроса в Антиохийском патриархате, предопределило столкновение с Военным министерством. Итогом переписки стало компромиссное решение о назначении штатного консула МИД А.П. Беляева в Дамаск с одновременным оставлением фактического пребывания там колл. советника Камсаракана, но уже в должности вице-консула в Хаме [2].

Таким образом, учреждение консульства в Дамаске в 1893 г. демонстрирует эволюцию представлений России о специфике своего присутствия на Ближнем Востоке: от акцента на военно-стратегическом значении региона, когда роль дипломатов выполняли кадровые разведчики, к формированию учреждений «двойного» назначения с доминантой религиозной функции в их деятельности.

Источники и литература

- 1) АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322.
- 2) РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 22.
- 3) РГВИА. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 57.